

Окончила Институт культуры. На телевидение пришла после того, как родила второго сына, 28 лет назад. Больше 20 из них работала в программе «Время». С 1991 года ведет программу «Утро». Замужем, муж — журналист. Трое взрослых детей: два сына и дочь.

ЕЛЕНА МИРОНОВА:

ВОЛНУЕТ ТОТ, КТО САМ ВОЛНУЕТСЯ

Елену Миронову на телевидение привел счастливый случай. Она работала директором молодежного клуба Автодорожного техникума, где ее заметила музыковед Светлана Виноградова и порекомендовала на курсы комментаторов телевидения. После окончания курсов пришла работать в программу «Время». Была монополистом в теме легкой промышленности и моды. Дочь Маша унаследовала тягу к моде: окончила факультет журналистики и работает манекенщицей в Доме моды Славы Зайцева.

На мой вопрос Елене Мироновой о том, как следует одеваться телеведущим на экране, она ответила, что жестких правил нет. Нужно использовать свой образ. Ей очень нравится Ольга Грозная, ведущая программы «Времечко». Она прекрасно использует образ красивой тридцатилетней дамы. Для себя Елена Миронова определила стиль Маргарет Тэтчер. Женственный и корректный.

— Как случилось, что вы перестали заниматься освещением этой темы?

— Мне она надоела. Я больше люблю социальные темы. Простецкую жизнь. И когда пригласили вести новую программу «Утро», я согласилась. Потом меня сняли. Меня вообще много раз снимали, потому что я не запрограммированный человек. Всегда говорила, что хотела, но это не достоинство, а результат недостатка воспитания. Я выросла в детском доме, все делала сама. Это воспитало во мне бессмысленную свободу ребенка. Но когда тебе 40, а ты все еще ребенок — это

уже недостаток. Меня также никогда не брали в партию, хотя я подавала заявление. Все мои приятельницы были членами партии и получали 160 рублей, а мне давали 120 за ту же самую работу.

— А как зритель воспринял вас вначале?

— Меня многие сразу невзлюбили. Людям трудно было после дикторов советского периода воспринимать ведущего, который что-то говорит от себя. И много писем было о том, какая я плохая и невозможная. Но почему-то меня снова ставили в эфир, и через какое-то время пошел поток совсем других писем — меня полюбили.

— «Телеутро» — программа для вас?

— Да, очень даже для меня. Я считаю невероятной житейской удачей, что я в своем возрасте вообще еще имею работу. Да такую царскую. Но если я ее потеряю, то мне не будет безумно жалко и я не пойду искать другую. Потому что у меня появится мое личное время. И я не буду сидеть и давать тебе интервью, а с подружкой буду сплетничать. Работа ведь сжирает огромное количество времени. А жить когда?

— Устаете на работе?

— Нет, у меня достаточно свободный режим. И это моя любимая работа. У нас замечательный руководитель программы — Павел Каспаров. Вот кому я действительно благодарна, так это ему. Он программу слепил. Все остальные руководители, которые приходили на программу, понятия не имели, зачем она, на кого ориентирована. А Каспаров — европейский человек. Он всю жизнь прожил во Франции. Он видел такие утренние программы во всех вариантах. И понял, что, когда ведущий читает политические новости и занимается клоунадой, — это ужасно. Я с такой ролью не справлялась. Каспаров через большие скандалы и крики разделил эту кашу. И все стало на место. А то я путалась, терялась и была крайне ущербна.

Когда работала в паре с Мишей Осокиным мне было очень хорошо, потому что Миша брал на себя интеллектуальную часть, а я — эту белибердену. Я и с Юрием Ростовым работала. С ним мне было плохо. Он завоеватель. Любит заполнять твою территорию. И мне нечего делать. А раз нечего делать, то нечего сидеть в студии.

ТВ Парк. - 1996. - 21 окт. - с 46, 47.

А вообще, у нас хорошая команда. Много режиссеров старой школы, привыкших к серьезной дисциплине. Но есть, например, один новый режиссер, который работает непрофессионально. Может вывести меня в эфир, не предупредив. Однажды таким образом я в эфире поправляла плечико. И это стало притчей во языцех. Телевидение — это как цирк. Когда воздушный гимнаст летит под куполом от одного края к другому, он не думает о том, что у него хорошая мускулатура, техника. Он знает, что на другом конце его поймает гимнаст его же уровня. И на телевидении также. А когда ты летишь, а с той стороны стоит ребенок, который пришел играть в телевидение, то ты падаешь на манеж и разбиваешься на глазах у всей страны.

Елена Миронова открыла в программе строку поздравлений. Письма с просьбами поздравить родственников с днем рождения и юбилеем приходят мешками. Но есть письма и личные. В которых зрители признаются в своей «безумной любви к ведущей «Утра». Пишут, что она создает им хорошее настроение на весь день.

— Как вам это удается?

— Я их заряжаю настроением? Это они меня заряжают. Откуда у меня бывает хорошее настроение? От хороших писем. Но я — эмоциональный человек, и мне так же легко сбить настроение, как и поднять. Я читаюсь писем, вхожу в студию, а там беспорядок, грязь, я тут же падаю в бездну. А мне ведь сейчас говорить! Что делать? И я прошу оператора Юрия Нечаева: «Покажи мне моментально свое лицо». Он улыбается мне, а уже секунды остаются до эфира, контакт есть, и начинаем работать. Или Кирилл Клейменов, очень люблю с ним работать. Впервые, потому, что он мальчик, зачем мне девочка в студии? Я говорю ему: «Я люблю тебя!». И он мне: «Я люблю тебя тоже» — и сразу же: «Мотор!». И атмосфера любви, эта энергия, наполняющая студию, передаются зрителю.

— У вас в жизни была проверка профессионализма, экзамен на профпригодность?

— Да. У меня был период тяжелейшего испытания в личной жизни. Я просто гнула. Постоянно ходила с заплаканными глазами, а кому это нужно? Из окон телецентра видна церковь, и я перед тем, как идти в студию, прижимая папку к груди, подходила к окну и просила: «Господи, дай мне силы, не дай кому-нибудь заметить мою беду». Я даже стекла в очках поменяла на тонированные, потому что по глазам видно мое состояние.

И в это время выходит статья обо мне: «Какая неадекватность ведущего к аудитории, жизни своей страны. Ведущая такая благополучная, роскошная, сытая и довольная собой. Она Пушкина цитирует, а народу жрать нечего», — что-то в этом духе. Я была счастлива прочитать эту статью. «Вот это, — думаю, — оценка моего профессионализма. Никто ничего не замечает». И вдруг пошли письма от тети Маши, от дяди Васи: «Леночка, что-то у тебя произошло, что-то случи-

лось! Мы видим; мы чувствуем!». И я поняла: народ не обманешь, ни за каким профессионализмом не скроешься. Надо или истинно спасаться, или уходить.

— И что вы сделали?

— Просто закончилась полоса. Иначе я должна была бы уйти. Бог даст крест, бог даст силу. Я не знаю, что будет завтра, но сегодня все о'кей!

— Очень актуальный в наше время вопрос о совмещении карьеры и семьи. Как вам это удается?

— Я плохая мать. И не из-за работы, а просто потому, что у меня самой не было опыта жизни в семье. У моих детей была советская действительность: детский сад, пятидневки и так далее. И если у нас с мужем выросли хорошие дети, то не благодаря, а вопреки!

— Если бы еще раз, изменили бы все?

— Да. Потому что жить так, как я жила, — это для себя и в свое удовольствие. А человек, родивший детей, не имеет на это права. Мать утром должна ребенка разбудить, а вечером уложить. Железный закон.

— Вы довольны своей зарплатой?

— Да. Я ведь совок чистой воды. У меня никогда не было претензий. Я считаю, что получаю больше, чем заслуживаю. Кто я такая, что говорю утром белиберду и вся страна меня слушает? Без ложной скромности.

— Вы сами кого считаете профессионалами?

— Все сейчас достаточно профессиональны. Потенциально профессионален Андрей Малахов. Он обладает тем божьим даром, который или есть, или нет. Наполнение радостью окружающих. И одна из отбиков «Теленура»: «Мы работаем от чистого сердца!» — это как раз про него.

— А самой принимать гостей в студии сложно?

— Иногда сложно. Когда бываю не в теме. И мне приходится разговаривать формально. Но всегда пытаюсь оживить беседу. Например, привели ко мне принца Саудовской Аравии. Могу я говорить о Персидском кризисе, о «Буре в пустыне»? Не могу, мне трудно. А надо! Я долго учила его имя. Адель Ахмат Абет... чтобы свободно произнести. Передо мной сидят двенадцать человек его свиты, люди из нашего МИДа. Вопросы мне дали. Первый о «Буре в пустыне». А я произнесла его имя, и сразу же у меня возник вопрос: «Обычно в Арабском мире имя несет большое смысловое значение. Что означает ваше имя?». Переводчик в ужасе застыл, но перевел. А тот рассмеялся и говорит: «Мое имя значит Бессмертный!». И пошел разговор дальше. И тогда многим стало интересно.

— Если вас снова снимут, как думаете, зрители заступятся?

— Никто сейчас не считается со зрителем. И не будет считаться до тех пор, пока не появится материальная зависимость от зрителя. Была бы зависимость, я бы управляла ситуацией. Зритель переключил бы телевизор на тот канал, куда ушла Миронова и все. На пруду рыбак постоянно крошит хлеб в одно и то же место. И за это место рыбаки бьются, потому что там идет клев. Так вот я — прикормленное место. Телезритель меня смотрит потому, что я давно сыплю сюда крошки.

— Работать под «диктовку» тяжело?

— А какая разница? Раньше диктовали и сейчас диктуют. Какая независимость? Ее быть не может. Претендовать и надеяться на нее глупо.

Анна Носенко

